

Теряя Лею

Автор:

Тиффани Кинг

Теряя Лею

Тиффани Кинг

Young Adult. Психологическая проза

После трагического исчезновения сестры-близнеца десять лет назад Мия до сих пор старается сохранить обрывки воспоминаний о днях, проведенных с ней вместе. В отдаленных уголках ее разума затаилась зловещая тьма, которая укрощает сознание девушки головными болями каждый раз, когда та думает о сестре. Мия пытается скрыть их в попытках убедить остальных, что все в порядке.

Прежняя жизнь Леи закончилась в тот день, когда она оказалась в подвале, окруженная ужасом и страхом. Прошло десять лет, и от ее прежней жизни остались лишь призрачные обрывки воспоминаний. Не померкли только яркие моменты детства, проведенные с Мией.

Когда Лея предпринимает попытку к бегству, головные боли Мии усиливаются. Совсем скоро сестры обнаружат, что их судьбы связаны сильнее, чем они полагали.

Тиффани Кинг

Теряя Лею

Эта книга посвящается всем, кто хоть раз в жизни чувствовал, как их мир рушится. Сила скрыта внутри, и я знаю, что каждый из нас способен выстоять.

Мы не позволим себе смириться с оковами, что не дают подняться. Мы сильнее всего, что способна швырнуть нам под ноги игра жизни. Мы не одиноки.

Tiffany King

Losing Leah

Copyright © 2018 by Tiffany King Published by arrangement with Feiwel & Friends, an imprint of Macmillan Publishing Group, LLC. All rights reserved.

© Кузнецова А.А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Часть первая

1. Мия

«Улыбайся. Делай вид, что с тобой все в порядке».

Бух.

«Сосредоточься. Ты можешь».

Бух.

«Не думай об этом».

Бух.

«Ну что ты как маленькая. Ты ведь это уже проходила».

– Мия, тебе нехорошо? – голос знакомый, хотя доносится словно с дальнего конца очень длинного туннеля.

Открываю глаза – даже не поняла, что закрыла их. Натужно улыбаюсь. Роняю руку, предательски прижатую к виску.

– Все хорошо. – Хотя до «хорошо» мне как до Луны.

Хорошо – это норма. Хорошо – это когда голова у тебя не раскалывается под невидимым топором. Рассуждая логически, это просто головная боль. У массы народу болит голова.

Бух.

«Чтоб тебя», – мысленно ругаю я свою голову.

Она отзывается очередным приступом боли.

– Голова? – спрашивает об очевидном мой бойфренд, Люк.

– Да ерунда, – снова отнекиваюсь я.

Регулярные головные боли начались у меня в тот день, когда похитили мою сестру, Лею. Они возникали эпизодически. Вначале голова болела постоянно. Иногда было терпимо, и боль легко удавалось игнорировать, но порой не получалось.

Бух.

Эта оказалась настойчивой сволочью. Я знала, что это значит. Это мы уже проходили. Времени оставалось в обрез.

– Я уже знаю ответ, но хочешь, я зайду? – спросил Люк, притормаживая перед моим домом. Он наблюдал, как я массирую больные виски, выдавая жестокость приступа. Я никогда не рассказывала ему о причинах моих головных болей, о том, что их вызывало. Насколько он знал, они приключались, потому что я слишком усердно училась.

– Не, все нормально. Съем ибупрофен и буду как новенькая, – вру я, не обращая внимания на раскаленные угли в глазницах.

До момента, когда боль поглотит меня целиком, остается совсем немного времени. В основном я чувствую приближение особенно тяжелых приступов заранее и успеваю подготовиться, но сегодня боль подкралась незаметно.

– Спасибо за ужин, – говорю я, наскоро целуя Люка куда-то рядом с губами, и выскакиваю из машины.

Он неохотно дает мне ускользнуть. Завтра, когда я буду чувствовать себя лучше, скажу ему, что это была мигрень. Этот диагноз врач поставил много лет назад. У меня даже лекарство есть. Ему незачем знать, что таблетки не помогают. Никогда не помогали.

Бух.

«Будь проклят тот, кто придумал боль».

Она стремительно нарастает, подкусывая меня со всех сторон. Надо как можно скорее попасть в дом.

– Я тебе сегодня не дамся, – бормочу я, шаря в сумке в поисках ключей. Надо было сэкономить время и достать их еще в машине. Затупила. Проблема в том, что из-за пропажи Леи родители помешались на безопасности.

Датчики на всех дверях и окнах.

Передние и задние двери оборудованы таким количеством замков, что Форт Нокс позавидует.

Жалкая попытка отогнать чудовищ, но в результате огромное неудобство.

После нескольких неудачных попыток и отборных ругательств мне наконец удалось подобрать нужные ключи к нужным замкам, и я толкнула дверь. Внутри было тихо и пусто, что неудивительно. Мама с папой регулярно работали допоздна, а Джейкоб тоже явно не дома. Хвала богам. Я обожаю брата, но он сущая наседка. Узнай, насколько сильно у меня болит голова, он взял бы дело в свои руки, может, даже взвалил меня на плечо и лично доставил к врачу. Сегодня его отсутствие как нельзя кстати. Этот приступ явно будет что-то с чем-то.

Перед глазами все расплывалось, отчего ввести свой личный код на клавиатуре возле двери оказалось сложнее, чем следовало бы. К счастью, усиленно моргая, я справилась вовремя – сработай сирена, моя пульсирующая голова просто взорвалась бы. Маячившая впереди лестница, ведущая к моей комнате, давила высотой, словно гора. Я прислонилась к стене и двинулась вперед, щелкая по пути всеми выключателями. До смерти боюсь темноты. Она давит и размазывает, словно таинственная сила стискивает тебя в кулаке. Обычно я сплю при полном свете, включая ночник, который раньше принадлежал Лее. Хотя, когда глаза закрыты, толку от этого немного. От темноты никуда не деться.

Бух.

Крохотные, бритвенно-острые щупальца зарываются в мой мозг.

Сердце стиснул страх.

Я начала сомневаться, что доберусь до постели прежде, чем тени поглотят меня. Ноги словно залиты цементом – они такие тяжелые. Каждый шаг подобен сотне шагов.

Бух.

Однако с помощью перил мне удалось дотащить себя до верхней площадки, и моя нога нащупала последнюю ступеньку. Привалившись к стене, я глубоко вздохнула, чтобы собраться с силами, упорно моргая, дабы сохранить картинку. Моя комната находится в конце коридора, но казалось, будто до нее три

футбольных поля. Надо в постель. Все можно пережить – только бы добраться туда.

Шаркаю по коридору, как зомби.

– Почти на месте, – приговариваю я, мысленно считая шаги.

Еще десяток, и доберусь до двери. Потом еще пять, и до кровати уже рукой подать. Нельзя позволять себе вспоминать о неудачных попытках. Лучше сосредоточиться на движении вперед.

Четыре шага до комнаты. Не будь стены, я бы уже рухнула. Тени начинают сливаться. Время почти вышло. Мне не дойти. В горло когтями впивается паника.

Два шага. Так близко, но голова, словно виноградина в тисках.

Один шаг. Я уже не вижу. Вслепую протягиваю руку, и пальцы смыкаются на дверной ручке. Под весом моего тела дверь распахивается, я падаю в комнату и оседаю кучей на полу. Даже будь у меня силы доползти до кровати, сомневаюсь, что мне удалось бы забраться на нее. Перекатываюсь на спину, закрываю глаза и позволяю тьме поглотить меня. «Ты победила», – моя последняя осознанная мысль.

* * *

– Земля – Мие. Есть кто дома? – спросила на следующий день Эмбер, моя лучшая в мире подруга, побарабанив пальцами по моему шкафчику, дабы привлечь мое внимание. Я была слишком занята поисками учебника по испанскому и ответила не сразу.

– Прости, что ты сказала? – переспросила я, вытаскивая книгу из-под залежей разнообразного хлама.

– Я сказала: как ты написала контрольную?

– Неплохо, – наконец ответила я, захлопнув дверь шкафчика прежде, чем оттуда высыпались остальные учебники. – Думаю, прошла.

– Ой, ради бога. Ты же знаешь, что написала лучше всех. С каких это пор ты не портишь остальным кривую успеваемости? Клянусь, будь у меня машина времени, я бы отправилась назад и отлупила того чувака, который додумался смешать буквы и цифры и назвать это математикой. Это явно был какой-то мировой садистский заговор с целью отделить умников от идиотов, – засмеялась Эмбер, вскидывая на плечо сумку с учебниками. – Когда-нибудь ты будешь работать в лаборатории, разгадывая тайны Вселенной, а я буду спрашивать людей, бумажный они хотят пакет или полиэтиленовый. Если только не заарканю какого-нибудь богатого придурка, конечно.

Я рассмеялась и ткнула ее локтем в плечо.

– Как будто ты с самого начала не собиралась заарканить богатого придурка. Кроме того, ты станешь звездой Голливуда, блистающей на всех крутых вечеринках. Все будут мечтать подружиться с тобой, и ты позабудешь о заучке, с которой тусовалась в началке.

Эмбер взяла меня под руку.

– Я бы на это не рассчитывала. Лучшие друзья навек, верно? В любом случае тебе известны все мои тайны. Мне от тебя в жизни не отделаться, – она хихикнула.

– Лучшие друзья навек, – подтвердила я с улыбкой, обходя сомнительное мокрое пятно на гладком линолеуме по пути к ее шкафчику.

Люк и Энтони (новейшая игрушка Эмбер – ее слова, не мои) уже ждали возле шкафчика, когда мы наконец пробрались сквозь стада учеников, которым не меньше нашего хотелось попасть в столовую.

– Так что, красавица, внутрь или наружу? – спросил Люк, мельком клюнув меня в губы и закинув мне руку на плечи.

Я покачала головой. Новый день. Старая шутка. Он знал, что я предпочитаю обедать под открытым небом, но все равно спрашивал. Ему казалось, что это мило. И он, разумеется, был прав, но я ему этого не говорила – незачем подпитывать и так раздутое самомнение.

– Конечно, снаружи. Мне еще надо раздобыть себе обед, но встретимся на нашем месте, – наградила я его сияющей улыбкой.

– Я тоже иду. Ты же знаешь, что понадобится помощь, чтобы тащить фуршетный стол, – поддразнил он, заставив Эмбер фыркнуть от смеха.

Энтони бросил на нас озадаченный взгляд. Он обедал с нами только второй раз и еще не знал, сколько способен вместить мой легендарный желудок.

В столовой, как всегда, была очередь, но мы с Люком едва замечали ее, разговаривая о предстоящем футбольном матче. Я заплатила за обед, пока он распространялся о вербовщиках из колледжа, которые будут на игре, и о том, как важно показать себя. Он нервничал. Это было даже в чем-то очаровательно. Ему не о чем было беспокоиться. В футбол он играл естественно, как дышал, но если его требовалось немного подбодрить, дабы накачать перед игрой, то я была только рада услужить своему парню.

Эмбер и Энтони сидели на нашем месте снаружи, когда мы наконец вывалились из столовой, причем Люк тащил два подноса с едой.

– О, какой джентльмен – несет и поднос своей дамы? А сумочку он тебе тоже носит? – поддел меня Энтони, засмеявшись собственной шутке.

– Только когда у меня рубашка под цвет, а на самом деле это все для нее, тупица, – рассмеялся Люк в ответ, опуская подносы на стол. – Я принес обед с собой, – продолжал он, указывая на скромный пакет у меня в руке.

– Заткнись. – Энтони переводил взгляд с Люка на меня, явно думая, что мы его разыгрываем.

– Я серьезно, братан. Если не веришь, ставлю десять баксов.

– Я бы не стала, – подхватила Эмбер. – Она способна слопать едва ли не вдвое больше собственного веса.

В типичной манере альфа-самца Энтони не собирался отступить перед вызовом.

– По фигу. Вы, ребята, меня разыгрываете, и я считаю, что это блеф, – заявил он, бросив деньги на стол.

– Дело твое, – сказала я, принимаясь за двойной чизбургер со всеми начинками.

– Такое ощущение, что меня надули, – сказал Энтони двадцать минут спустя, когда я закинула в рот последний ломтик картошки фри.

Не веря своим глазам, он наблюдал, как я последовательно уничтожала кусок пиццы, чизбургер, картошку фри, печенье с шоколадной крошкой и пудинг.

– Не парься. Ты не первый, – утешила я, запивая последний кусок колой.

– Я чувствую, что наелся, просто наблюдая за тобой. Это однозначно стоило потраченных денег, – рассмеялся он, поглаживая живот.

Эмбер закатила глаза.

– Поверь мне. Не будь она моей лучшей подругой, я бы ее ненавидела. Я до конца футбольного сезона сижу на салатах. Я бы левую ногу отдала за кусок пиццы, – сказала она, проводя пальцем по моей пустой тарелке, чтобы поймать одинокую каплю соуса.

– Могу помочь тебе сжечь несколько калорий, если надо, – отозвался Энтони, обхватывая ее за талию.

Она шлепнула его по руке.

– Не сомневаюсь, извращенец. Однако я серьезно. Если Джошуа еще раз меня уронит, я его задушу.

– Может, стоит взять Люка в команду, – поддразнила я. – Он бы тебя ни за что не уронил, – добавила я, сжимая бицепс Люка. – Как думаешь? Готов ли ты сменить футбольные шиповки на помпоны?

– Все юбки будут моими, – отозвался он, поднимая шорты, чтобы показать нам свои волосатые бедра.

– Тебе пришлось бы убрать эту шерсть, Люк Человековолк, – заметила Эмбер, дожевывая последнюю морковку. – Почему бы тебе не зайти ко мне в пятницу? Мы с Мией сделаем тебя ровненьким и гладеньким.

Люк энергично затряс головой.

– Жесть. Я помню, как выглядела мама после депиляции бровей. Я в таких садистских ритуалах не участвую.

– Ой, большой крутой футболист боится маленького воска для девочек, – заворковала Эмбер, и мы обе захихикали.

– Что ни день, то угрозы. Верно, чувак? – обратился Люк за поддержкой к Энтони.

Тот пожал плечами.

– Думаю, что все не так страшно, – признал он робко.

Глаза у Эмбер вспыхнули весельем.

– Ты делаешь эпиляцию? – хрюкнула она. – Где? – она дернула его за шорты, чтобы посмотреть.

Лицо у Энтони сделалось ярко-красным, словно он пожалел, что вообще раскрыл рот.

– Наверное, ноги, – высказала догадку я, ныряя под стол, дабы проверить лично.

– Нет, не ноги, – ответил Энтони, которому с каждой секундой становилось все более неловко.

Мы с Эмбер весело переглянулись.

– Ну не шары же?

– Скажи, что это не так. – Люк уже трясся от смеха.

– Да ну, чувак. Ты же знаешь, горячему воску не место рядом с бесценным грузом, – выдавил Энтони. – Это грудь, – признался он наконец.

– Грудь? – переспросила Эмбер, выгибая бровь. – У тебя волосатая грудь?

– Ну, я не йети какой-нибудь. Просто летом работаю спасателем, и мне нравится хорошо выглядеть. – Он снова покраснел к нашему всеобщему веселью. – Теперь вы знаете и давайте сменим тему?

– Ни за что в жизни, – поддразнила Эмбер. – Мы хотим увидеть своими глазами.

– Однозначно, – добавила я. – Покажи нам безволосое чудо.

В коридорах стоял оживленный гул, все стремились попасть в класс на пятый урок до звонка.

– Встретимся в библиотеке после практики, – сказал Люк, целомудренно целуя меня в щеку. – Кстати, сегодня ты выглядишь лучше.

– И чувствую себя лучше. Это была просто мигрень. Ты же знаешь, они у меня порой случаются.

– Ты слишком усердно занимаешься.

– Ну должен же хоть кто-то, – поддразнила я, стараясь отвлечь его от моей головы.

– Ай, я ранен, – воскликнул он, хватаясь за сердце.

Я засмеялась, а он направился на свои послеполуденные занятия.

Я с улыбкой провожала его глазами. Хороший день. Вчерашняя головная боль давно позабылась.

Я снова стала самой собой.

Типичным, нормальным подростком.

Оставшимся близнецом.

Мне было шесть, когда Лея пропала из садика перед нашим домом. Я пошла в дом за вишневыми леденцами, которые мы обе любили, а когда вернулась, она уже бесследно исчезла. Мы были одинаковы во всем, включая предпочтения в еде. Где кончалась одна, начиналась другая. Она была моей второй половиной – и вдруг перестала. Она исчезла вместе со всей моей прежней жизнью. С момента исчезновения все переменялось навсегда. Как так может быть? Продолжаешь существовать – ешь, дышишь, двигаешься. Иногда даже обманываешь себя и притворяешься, будто все нормально, но в глубине души перестаешь жить в тот момент, когда теряешь половину себя.

Последние десять лет наша семья жила практически на автомате. Праздники, дни рождения просто приходили и уходили без особого ажиотажа. Единственным утешением мне служила школа. Она была источником здравого смысла, цели, самоидентификации. В школе я просто Мия Клейн. Не Мия Клейн, девочка, у которой пропала сестра-близнец. Для своих друзей я перестала быть тем человеком давным-давно. В школе мир продолжал жить, тогда как дома мы оставались скованы прошлым.

2. Лея

Даже с закрытыми глазами я чувствовала, что свет включен. Слышала знакомое негромкое гудение люминесцентной лампы на потолке у меня над головой. Я

еще не готова была проснуться. Не после такого сна. Солнце согревало мою кожу. Мягкий цветочный ветерок играл с моими волосами. Я уже скучала по нему.

Как ни хотелось мне остаться в постели, я понимала, что надо шевелиться, причем быстро. Она уже спускалась по лестнице и если бы застала меня с закрытыми глазами, день мог не задаться с самого начала. Пока же следовало задвинуть остатки сонной свободы на задворки сознания, дабы посмаковать их позднее. Одним стремительным движением я скинула ноги с кровати и приняла сидячее положение, как раз когда она вошла в комнату. Еле успела. Еще секунда, и она бы психанула.

Остановившись у подножия лестницы, она повесила зловещий кожаный ремень, который держала в руке, на привычное место – крюк сразу за дверью. Взгляд на кратчайшее мгновение метнулся к ремню – моей возможной судьбе, останься я в постели. По крайней мере, мне удалось избежать утренних побоев. Если я буду хорошо себя вести остаток дня, возможно, мне вообще не придется терпеть удары. Я и так уже продержалась без эксцессов дольше, чем могла припомнить. Разумеется, сейчас я, вероятно, искушала судьбу и спугнула удачу.

– Ты голодная? – спросила она, окинув меня взглядом по дороге к кухонному подъемнику, который держала на замке все время, кроме приемов пищи.

– Да, – ответила я, заправляя постель и разглаживая одеяло рукой.

Она остановилась, пригвоздив меня суровым взглядом.

– Да – что?

– Да, Матушка, – ответила я.

– Нам снова нужно поработать над манерами? – Она подкрепила свои слова, указав на кожаный ремень, висящий на расстоянии вытянутой руки.

Я замотала головой, старательно скрывая взгляд. Любое проявление дерзости может спровоцировать суровое наказание. Лучше игнорировать язвительное напоминание о моей пошатнувшейся воле.

– Нет, Матушка, – сказала я, покорно опустив глаза.

Потребовалось много времени и бесчисленное количество побоев, чтобы я дошла до такого.

В начале я плакала по своей семье, умоляла, чтобы меня вернули домой, но гнев моей похитительницы не заставлял себя ждать. Я боролась с чужеродностью окружения, пока наконец не утратила прежнюю себя до последней капли. Чудовище, снова и снова подвергавшее меня наказаниям, медленно трансформировалось, пока не превратилось в «Матушку». Когда слезы не удавалось остановить пожирающим плоть ремнем, она вымещала гнев, делая мне уколы в плечо. Первые месяцы я по большей части провела в темном забытии. Чудесной, благословенной темноте, позволявшей мне сбежать из моей жуткой реальности. Она думала, что наказывает меня, но я постепенно полюбила темноту. Я вождедела ее.

– Прекрасно. Можешь накрыть на стол, – сказала наконец Матушка, поджав губы. – Ты хорошо спала?

Очевидно, мой промах прощен. По крайней мере, день остался в правильной колее.

– Да, мэ, – ответила я, погружая руку в крошечный шкафчик над единственной раковиной у стены возле нашего обеденного стола. Я вынула наши две тарелки, два стакана и поставила их на стол. Наши приборы хранились в ящичке рядом с раковиной. Матушка отперла подъемник и извлекла поднос, который использовала для нашей еды. Затем я отнесла поднос на стол, пока она запирала дверцу подъемника, дважды проверив замок, дабы убедиться, что он защелкнулся. Все шло заведенным порядком, день за днем, если только я не делала чего-либо, заслуживавшего наказания.

Подъемник запирался ради моего блага. В девять лет я вскарабкалась по веревке. Руки у меня дрожали от напряжения, но в итоге я добралась доверху. Я не знала, что стану делать, если попаду на кухню. Может, просто посмотрела бы в окно на солнышко и голубое небо в ватных облаках. Проблема заключалась в том, что Матушка никогда не позволяла мне выходить наружу. Она говорила, что у меня тяжелая форма светочувствительности, аллергическая реакция на солнце, поражающая мою иммунную систему. Полагаю, тогда меня это не

заботило. Я отодвинула дверцу подъемника и обнаружила Матушку, поджидавшую меня со шприцем в руке. Того, что происходило после, я почти не помню, но когда я проснулась, на дверце подъемника красовался новый замок.

– Можешь воспользоваться ванной, – сказала Матушка, когда стол был накрыт.

– Спасибо, Матушка, – прошептала я и сонно потащилась в ванную, хотя мочевого пузыря у меня едва не лопался.

Двери в ванной не было, она отделялась от комнаты одной-единственной занавеской. Для уединения этого было маловато, но я была благодарна даже за самую малость.

Облегчившись, я подошла к раковине и выдавила на ладони щедрую порцию промышленного мыла. Матушка работала медсестрой и повидала немало лишних болячек, вызванных недостатком чистоты. К глистам она относилась с непримиримостью фанатика. Руки следовало тщательно мыть и скрести с обеих сторон, особое внимание уделяя ногтям. Я совершала необходимые манипуляции, не задумываясь. Я проделывала их уже тысячи раз.

Завтрак у нас был незатейлив. Яйца, поджаренный хлеб, ломтик бекона и стакан апельсинового сока. Ожирение уносило сотни тысяч жизней в год. Несмотря на мое хрупкое телосложение, Матушка рисковать не желала. С течением времени я научилась потреблять свою пищу медленно, смакуя каждый кусочек. На ланч меня ждал сэндвич и кусочек фрукта, уже сложенные в коричневый бумажный пакет на столе. Когда его съесть, выбирала я, но больше мне не полагалось ничего, пока Матушка не присоединится ко мне за ужином. Добродетель терпения воспитывали во мне принудительно.

– Прежде чем отправиться в постель, я хочу проверить твоё вчерашнее задание, – сказала Матушка, когда я допила сок. – Ты доделала уравнения по алгебре?

– Да, мэм. Они были легкими, – сказала я и засияла от гордости, когда она улыбнулась мне.

– Это хорошо. Математика – важный предмет. А как насчет естествознания? Ты закончила расчеты по гравитации?

Я кивнула и встала, чтобы убрать со стола наши пустые тарелки. С помощью средства для мытья посуды и тряпки я вымыла и убрала их наверх.

Я присоединилась к Матушке на диванчике, где она просматривала мою классную работу. Я знала, что все правильно. Ответы я находила легко.

– Вроде бы все хорошо, – сказала она, закрывая папку. – Сегодня продолжишь спрягать глаголы по английскому, и я хочу, чтобы ты закончила реферат по Гражданской войне. – Она поднялась. Зернышко облегчения распустилось у меня в груди, как цветок. Матушка всегда подчеркивала важность образования, и это был один из доступных способов доставить ей удовольствие. – Увидимся за ужином. Можешь сегодня принять душ, но не дольше пяти минут. Если дольше, я узнаю.

– Да, мэм, – сказала я, вставая вместе с ней.

Она притянула меня к себе для короткого объятия.

– Ты хорошая девочка.

Я послушно ответила на объятия.

– Спасибо, – сказала я, с готовностью принимая похвалу.

Ее объятия были лакомством, и притом весьма нечастым. Все мое тело пронзила теплая дрожь. Единственной и главной моей целью было доставлять ей радость. Я очень ценила эти мгновения. Они были моей наградой за хорошее поведение.

Словно прочитав мои мысли, Матушка окаменела и резко опустила руки. Атмосфера в комнате переменилась, наполнилась страхом, словно накатили грозовые облака, предвестники бури. Я запаниковала, судорожно перебирая в голове утренние события в отчаянном поиске ошибок. Я знала, что у меня всего несколько секунд, чтобы сообразить, в чем дело, и попросить прощения за свои промахи.

Она отступила на шаг и потянулась за ремнем, слишком хорошо мне знакомым. Мое время вышло.

«Что я натворила? Что я натворила?» Я копалась в себе в поисках ответа, но тщетно. Что я упустила? Должно быть, нечто по-настоящему ужасное. Матушка ненавидела меня наказывать. Она снова и снова повторяла мне, что делает это лишь для моего собственного блага.

– Лея, что это у тебя на потолке? – спросила она, глядя в сторону кровати и не выпуская ремня из рук.

– Мое солнце, – прошептала я, внезапно сообразив, какую ошибку допустила.

Как я могла забыть его снять? Все равно оно было слабеньким и едва ли стоило цены, которую мне придется заплатить. Я нарисовала его лимонно-желтым карандашом, как маленькая, и вырезала идеальный кружок пластмассовыми ножницами, которые годились лишь для самой тонкой бумаги. Я повесила его над кроватью с помощью двух кнопок, найденных много лет назад и тщательно припрятанных. Я просто хотела, чтобы оно светило на меня, пока я сплю.

– Твое солнце? – взвизгнула Матушка. – Ты скучаешь по солнцу? – Голос ее звучал так пронзительно, что я вздрогнула. – Напомнить тебе, что делает с тобой солнце? Или о том, что твои собственные родители бросили тебя из-за твоей болезни?

Я замотала головой.

– Нет.

– Тогда зачем вешать его у себя над кроватью? Хочешь бросить меня, да? Ждешь не дожدهшься оставить меня на произвол судьбы. – За словами последовал ремень, врезавшись в мое тело прежде, чем я успела защититься. Он ожег мою спину, словно язык пламени.

– Нет, Матушка, – молила я. – Я не уйду от тебя. Обещаю, – выкрикивала я, а жесткий ремень уже добрался до моих голых ног. Каждый удар вгрызался в плоть, оставляя раскаленные болезненные кровоподтеки. – Матушка, я люблю тебя.

Она остановилась в замахе, тяжело дыша от усталости, вызванной гневом.

– Обещай, что не покинешь меня.

– Обещаю, – ответила я.

Я изо всех сил старалась не всхлипнуть, пока говорила. Скулеж взбесил бы ее снова. Матушка не любила слез.

– Я люблю тебя, – продолжала я.

Слова были пустыми и неискренними, но именно это ей надо было услышать. Все равно тут я виновата. Нужно было снять картинку.

Вся ярость Матушки испарилась так же быстро, как и возникла. Она притянула меня к себе в крепком объятии раскаяния. Внутренне я орала от боли, когда ее руки сомкнулись на открытых ранах у меня на спине, но виду не подавала. Я получила по заслугам.

– Я тоже тебя люблю. Как жаль, что ты заставляешь наказывать тебя, – сказала она, отстраняясь.

– Прости. Я сниму солнце.

Она кивнула, не желая снова смотреть на оскорбительный клочок бумаги.

– Ты понимаешь, почему это меня расстраивает?

– Понимаю. Это было неправильно. Не следует делать того, что способно причинить мне вред, – отозвалась я, в очередной повторяя ее слова.

Она нагнулась и поцеловала меня в лоб.

– Умница. Ступай, прими душ, – сказала Матушка, подгоняя меня в сторону ванной. – Думаю, лишние пять минут не повредят, – добавила она, широко улыбаясь, как ни в чем не бывало.

Я мгновенно откликнулась на ее улыбку. Матушка становилась другим человеком, когда радовалась.

- Спасибо, - сказала я, задергивая за собой занавеску.

Вылезая из пижамы, я слышала ее шаги на лестнице, а затем скрип засовов, запиравших дверь подвала. Я включила душ и отрегулировала воду так, чтобы она была чуть теплой. Прежде чем встать под нее, я вся сжалась, зная, что на содранную кожу душ подействует не лучше, чем ремень, оставивший эти шрамы. Можно подумать, что к этому моменту я уже привыкла к боли. Только подставив голову под потоки воды, я позволила слезам течь свободно. Под душем это были не слезы, а просто вода, растворившаяся в потоках других капель и крови, собиравшейся вокруг стока и исчезающей в нем навсегда. Однако долго плакать было нельзя, я исчерпала драгоценные минуты душа. Умывание было одним из немногих процессов, где я чувствовала некоторую свободу. От меня зависело, будет вода горячей или холодной. Сколько использовать мыла или шампуня. В рамках определенного Матушкой времени я была королевой душа.

Пока я терла свою жесткую на ощупь, загрубевшую и покрытую многолетними шрамами кожу, мои мысли блуждали. Я никогда не думала о следах наказаний и о поступках, которыми заслужила их. Главное, что Матушка простила меня. Когда я вышла из ванной, в моем жилище снова воцарился мир. Матушка работала по ночам, пока я спала, а сама отдыхала днем, пока я делала уроки и читала. Когда я была младше, она проводила со мной больше времени, став мне учителем на время начальных классов. По мере моего взросления большую часть уроков я делала сама, а она только проверяла работу. Все накопившиеся вопросы я приберегала до ужина, когда мы с ней могли их обсудить. Что до свободного времени, то я обычно читала или слушала музыку, одобренную Матушкой. Все сведения о внешнем мире я почерпнула из бесчисленных книг. Мои собственные воспоминания о жизни за пределами моей комнаты были смутными и в большинстве случаев отсутствовали.

Я надела джинсы и футболку, аккуратно сложив пижаму в изножье кровати. Пятна крови на ней послужат болезненным напоминанием о моих проступках и будут преследовать меня, пока Матушка не сочтет нужным постирать пижаму. Отчасти мне было грустно, но бессмысленно горевать по клочку бумаги. Ерунда это. Да, он пресек мою полосу хорошего поведения, стало быть, что-то в нем все-таки было. Теперь придется начинать все сначала.

До обеда я уныло спрягала глаголы, а еще закончила реферат по Гражданской войне. Мне хотелось выкроить побольше времени на чтение. Пока я была маленькой, Матушка не покупала мне игрушек; чтение стало моей величайшей роскошью. Требовалось только делать уроки и содержать комнату в чистоте, тогда у меня появлялось свободное время. Одну из стен в моей комнате полностью занимали книжные полки. Много лет Матушка таскала мне книги коробками, и я поглощала их все до единой. Неважно, к какому жанру они относились. Они были моим окном во внешний мир. Книги питали мои сны по ночам и дарили мне свободу воображения.

Сейчас я закончила читать историю про девушку, потерявшую память. В книге хватало напряжения и интриги с легкой примесью романтики. Я с удовольствием пыталась разгадать головоломку, хотя хотела сохранить загадку до самого конца. Главная героиня потеряла память, и я почему-то ей завидовала. Мне также нравились те части книги, где действие происходило в школе. Поскольку меня никогда не выпускали из подвала, мне никогда не доводилось общаться со сверстниками. Никаких школьных балов. Никаких вечеринок. Никаких ночевок у друзей. Ничего. Из-за этого я гадала, сумела бы я поладить с нормальными людьми. Закрывая глаза, я почти могла представить, как хожу по коридорам, болтаю со своими собственными друзьями. Может быть, у меня даже появился бы парень, а может, я даже стала бы капитаном команды болельщиков.

Я подняла взгляд на кусок фанеры, закрывавший единственное окно в моей комнате. Губы тронула улыбка, но я заставила себя вернуться к книге и миру, оживавшему на ее страницах.

3. Мия

Я откинула одеяло, радуясь, что тьма предыдущего вечера так и не вернулась в мою голову. Судя по утреннему солнышку, пробивающемуся сквозь занавески, я уже опаздываю. Я перекатилась на бок, взглянула на часы и поняла, что у меня едва хватает времени на сборы. Совсем скоро Джейкоб уедет в школу. Он бы подождал меня, но я не хотела, чтобы он опаздывал. В рекордные сроки приняв душ, я натянула любимые джинсы и рубашку, схватила рюкзак и спустилась вниз.

Джейкоб стоял у кухонного стола, опрокинув миску с хлопьями прямо в рот и отхлебывая остатки молока. По какой-то неведомой причине от этого звука меня передернуло.

– Господи, Джейкоб. Хоть бы соломинку взял, – сморщила я нос, отправляя пирожки с начинкой в тостер.

– А-а, – отозвался Джейкоб, утирая губы рукой и опуская миску в посудомойку.

– Ну как можно быть таким хамлом?

В ожидании пирожков я достала из холодильника бутылку шоколадного молока. Обычно я успевала пожевать и каких-нибудь фруктов, но сегодня точно не успею съесть все по пути в школу.

Джейкоб с весельем наблюдал, как я собираю свое барахло, пытаюсь одновременно удержать в руках и завтрак, и рюкзак.

– Разве не старшему брату полагается быть самым прожорливым в доме?

Я ухмыльнулась.

– Завидуй молча, – отозвалась я, складывая вместе клубничный и черничный пирожки и откусывая от обоих разом. Люблю смешивать вкусы.

Джейкоб закатил глаза, но возражать не стал. Он занимался борьбой, и ему приходилось соблюдать строгую диету, чтобы удерживать вес.

– Что ж, поговорим о прошлом вечере? Похоже, он выдался нелегким, – сказал он, любезно подхватив у меня рюкзак.

Я пожала плечами, по пути из кухни оглянувшись на пустые стулья в гостиной.

– Они уже встали?

– Ага. Мама спускалась попить кофе. Спрашивала про тебя. Папу еще не видел.

– Передай ей привет, – язвительно отозвалась я.

Некогда гостиная была жизненной осью дома, с фотографиями младенцев и малышей на стенах. Мебель была крепкая и идеально подходила для строительства крепостей. Комната наполнилась любовью.

После исчезновения Леи мама в припадке ярости вычистила комнату, ободрав все, включая напольное покрытие. Потертый ковер сменили холодные плитки. Ярко-желтые стены вместе со всеми следами от фоторамок скрыла снежно-белая краска. Новые чопорные стулья и прочая мебель не располагали к присутствию детей.

Помню, однажды я подслушала, как мама плакала и рассказывала по телефону тете Синди, что нашлась кукла Леи, Дейзи. Власти уже не верили, что Лея жива. Я была слишком растеряна и мала, чтобы осознать подлинный ужас случившегося. Я знала, что у меня болит душа и что я скучаю по своей сестричке, как не испытывать подобных чувств, если пропала моя близняшка? У нас была особая связь. Я не могла поверить, что она исчезла по-настоящему.

– Ты должна рассказать маме с папой, насколько усилились твои головные боли, – говорил Джейкоб, пока мы садились в машину. – Может, тебе надо сменить лекарство.

– Да не так уж и плохо все было, – соврала я, запивая пирожки большим глотком шоколадного молока.

Я не сочла нужным упомянуть, что это был второй тяжелый приступ за последние три дня. Это была информация из серии «необходимо знать», и Джейкобу об этом знать было совершенно ни к чему.

Остановившись на углу нашей улицы, он уставился на меня своим фирменным недовольным взглядом.

– Ой, пожалуйста. По-твоему, я совсем тупой? Пару ночей назад я обнаружил тебя на полу без сознания. Может, ты не в курсе, но обычно головная боль такого эффекта не дает. Слушай, вчера я спустил дело на тормозах, потому что поздно вернулся с тренировки, но все очень серьезно, Мия.

– Может, мне нравится спать на полу, – сухо отозвалась я, глядя в окно.

Интересно, что было бы, узнай он правду. Про головную боль Джейкоб знал, но о том, что приходила вместе с ней и всегда пугала меня, понятия не имел. Я не хотела, чтобы он посчитал меня сумасшедшей, и уж точно не хотела, чтобы он рассказал маме или папе. Просто болит голова. Вот и все. Отчасти, совсем чуть-чуть, мне хотелось, чтобы за этим крылось нечто большее. В детстве я верила, что это моя связь с Леей. Я понимала, что это глупо, но чувствовала, что головная боль связывает меня с ней.

– Мия?

– Джейкоб, всё со мной в порядке. Давай просто закроем тему, а? – взмолилась я, жалобно глядя на него.

Судя по его лицу, он не прочь был надавить на меня. Брат глубоко вздохнул и потрепал меня по коленке.

– Конечно, Мия, закроем. – В отношении меня Джейкоб страдает гиперопекой. – Подбросить тебя сегодня на футбол? – спросил он, сворачивая на парковку для учеников.

– М-м, может быть, – ответила я, открывая свою дверцу. – Люку надо быть там раньше, а у Эмбер тренировка перед игрой. Хотя я могла бы просто остаться после уроков. Всегда можно посидеть позаниматься в библиотеке.

– Годная идея. Просто дай мне знать, ладно? Валери хочет поехать пораньше, но я не буду ей обещать, если нужен тебе.

Я взяла свой рюкзак и закинула его на спину.

– Скажи ей «да». Я не против задержаться.

– А я не против подвезти тебя, – парировал он, забегаая вперед, чтобы открыть мне дверь, когда мы подошли ко входу в школу.

– Я знаю, что ты не против, но серьезно, все хорошо. Валери мне нравится. Возьми ее потусоваться с нами, – добавила я. – Мы с Люком и Эмбер с Энтони собираемся погулять после матча. – Я обошла парочку, целовавшуюся прямо в дверях. В коридоре стоял гвалт и хаос – все как я люблю. Джейкоб поморщился после моего приглашения. – Что такое, тебе не нравится Энтони?

Он пожал плечами.

– Не особо. Он раньше был в команде борцов, пока не заделался красавчиком и не ушел в спасатели, – с отвращением произнес он.

Я хихикнула, прикидывая, не поделиться ли с ним тем, что узнала вчера про Энтони и его грудь. Раздался первый звонок.

– Упс, я побежала, – бросила я, засовывая в рот последний пирожок.

Придется рассказать ему про Энтони и депиляцию попозже.

В итоге я отклонила предложение Джейкоба подвезти меня в тот день. Вместо этого я провела время в библиотеке за домашкой по статистике. После седьмого урока помещение быстро опустело, но мисс Нельсон, библиотекарь, хорошо меня знала и не возражала, чтобы я осталась. Все равно она раньше пяти никогда не уходила. Вскоре я продралась сквозь статистику и села за один из компьютеров в поисках материалов для эссе по мировой истории, но не смогла заставить себя сосредоточиться. Надоедливое ощущение, с которым я всегда боролась, снова начало занимать мои мысли. Пальцы загадочно плясали над клавиатурой и наконец напечатали в строке поиска «связь близнецов».

Страница загрузилась, отобразив многочисленные результаты поиска. Я щелкнула на первую же ссылку, не зная точно, что ищу. Почему я пытаюсь доказать себе, что моя боль на самом деле принадлежит Лее? Испытывает ли она ко мне какие-либо чувства? Наверное, я схожу с ума или просто эгоистка, на худой конец. Лея, скорее всего, умерла десять лет назад, а я виню ее за свои необъяснимые головные боли. Но что, если она жива? Что, если она просто обычная девочка, ходит где-то там в школу, живет своей жизнью, даже не подозревая, что ее похитили? Несколько минут я позволила этой фантазии развиваться у меня в голове. Может, Лея – капитан команды болельщиков, или гот, или ботан типа меня.

К несчастью, реальность сурова, и дело в том, что если она жива, то с ней, скорее всего, что-то не так. Она наверняка знала, что ее похитили. Будь у нее возможность, она связалась бы с нами. Что-то в душе говорило мне, что Лея сделала бы все, что в ее силах, чтобы добраться до нас. Будь у нее на то свобода.

Не существовало сценария, размышления о котором не угнетали бы. Не открывая больше никаких ссылок, я выключила компьютер. Собрала свои вещи, помахала мисс Нельсон и ушла. Я планировала прийти на футбольное поле пораньше, чтобы понаблюдать за разминкой игроков и насладиться последними лучами солнца. Обидно будет, когда дни станут короче. Мне всегда казалось неправильным, что солнце садится около шести. Моим любимым временем года было лето, когда солнце светит еще долго после восьми вечера.

Мои шаги отдавались эхом от пустых стен коридора. Жутковатый звук. Я пошла быстрее, жалея, что библиотека находится в дальнем конце здания. С облегчением свернула за угол – выход уже совсем рядом. Без света каждый пустой класс, мимо которого я проходила, казался темнее, чем хотелось бы. Солнце, может, еще не село, но уже не освещало сторону здания, где я находилась. Я смотрела прямо перед собой, стараясь избегать длинных теней от школьной мебели. Глупо бояться темноты в шестнадцать лет, но мои головные боли превратили мрак в нечто ужасное.

Проходя мимо лабораторий, я подскочила и едва не выронила рюкзак от шума в одной из них.

– Эй, – окликнула я, прижимая руку к груди, которая ходила ходуном.

Если кто-то пытался меня напугать, я готова была его вырубить. Роста я невысокого, но крепкая. Джозеф несколько лет обучал меня приемам самообороны. Я способна отправить в нокаут человека вдвое больше меня.

Лишь призрачное царапанье в дальнем углу лаборатории было ответом на мой оклик. Я шагнула ближе, заглядывая вглубь помещения. Темнота была тяжелой и непроницаемой. Внезапно остановившись, я медленно попятилась, когда на миг мне показалось, будто тени шевелятся. Я застыла, словно статуя.

– Есть там кто? – спросила я и не получила ответа.

Моргая, я сосредоточилась на месте, где мне почудилось движение, – и вдруг тени словно поднялись с пола. Они сгустились в огромную массу и двинулись ко мне. Я хотела повернуться и убежать, но ноги не слушались. Мозг буквально визжал в голове, чтобы я пошевелилась, но меня приморозило. Темнота подползла ко мне змеей, лишенной малейшего проблеска света. Ужас удерживал меня на месте, горло раздирали безмолвный крик.

«Двигай!» – вопил голос у меня в голове.

Я крепко зажмурилась, ожидая, что темнота засосет меня, подбираясь все ближе и ближе. Сердце грохотало в ушах, словно обезумевший паровоз.

«Шевелись!» – снова заорал мозг.

Я заставила себя открыть глаза и увидела, что темнота снова растворилась в тенях класса. Я поморгала, чтобы убедиться, переводя дыхание и унимая колотящееся сердце.

– Ну ты молодец, заучка, – обругала я себя.

Не верилось, что я позволила своему воображению взять верх надо мной. Это же просто тени.

Еще несколько глубоких вдохов, и я сумела успокоить сердце. Резко развернувшись, я торопилась выбраться наружу, на свет, подальше от темных классов. Все во мне хотело обернуться и заглянуть через плечо, пока я спешила дальше по коридору, но я подавила этот порыв. Мне казалось, что в спину устремились миллионы глаз, и все шепчутся, пока я прохожу мимо.

Добравшись до тяжелой железной двери в конце коридора, я распахнула ее, глотая теплый воздух, словно вынырнув с глубины. Легкие горели, грудная клетка ходила ходуном. Я явно забыла, как дышать, пока мчалась по коридору. А все благодаря моему буйному воображению. Видел бы меня сейчас Джейкоб, уж точно высказал все что думает.

Чем дальше я отходила от школы, тем глупее себя чувствовала. Окруженная головной болью и тенями, я практически мечтала о визите к врачу.

Эмбер и остальная команда болельщиков были уже на поле перед трибунами, когда я приехала. Подруга помахала мне и закатила глаза на Тринити, которая орала во все горло, раздавая приказы. Я преувеличенно бодро показала ей большие пальцы и забралась на пустое сиденье в третьем ряду трибун, откуда открывается отличный вид на игру.

Металлические скамейки нагрелись от полуденного солнца. Еще одно преимущество жизни в теплом климате. В других частях страны люди, наверное, уже ходят в куртках, а не в футболках с шортами, как мы.

– Джошуа опять меня чуть не уронил, видела? – спросила Эмбер, подсаживаясь ко мне во время перерыва. – Если он сегодня меня уронит, то бог его знает, куда угодит моя нога, так что смотри внимательно: будет круто. – Она глотнула воды, ожидая моих комментариев. – С тобой все в порядке? – уточнила она.

– Конечно, а что?

Она поджала губы и с минуту пристально меня разглядывала.

– Не знаю. У тебя какой-то отсутствующий вид.

Я рассмеялась в надежде, что смех мой прозвучит для нее более искренне, чем для меня.

– Отсутствующий? О чем ты вообще? – Я дружески пихнула ее в плечо. – Ты что, психиатр?

Она продолжала критически меня разглядывать.

– Говори что хочешь, но я слишком давно тебя знаю. С Люком поругалась?

– Нет. Все у меня хорошо, честно. По-моему, Тринити тебя зовет, – сказала я, кивая на остальную команду, выстраивавшуюся в шеренгу.

Я обожала Эмбер и ее интуицию, но не хотела, чтобы она направляла ее на меня. Мне и так хватало странностей в жизни, чтобы добавлять к ним еще и Эмбер. Эмбер же явно не хотелось прекращать разговор, но Тринити настойчиво посвистела в нашу сторону.

– Боже, когда-нибудь я запишаю ей этот свисток прямо в глотку. Может, тогда он не будет так бесить, – ворчала подруга, топя вниз по трибунам.

На сей раз мой смех больше походил на настоящий. Я легко могла представить, как Эмбер исполняет свое обещание.

Когда наша команда выбежала на поле для разминки, трибуны вокруг меня уже начали заполняться. Я помахала своим подругам Тине и Джен, заметив, что они ищут место.

– Ты ж мое золото, – обняла меня Тина, плюхаясь рядом. – Надеюсь, наши сегодня порвут «Винтер парк», особенно потому, что в прошлом году они нас уделали, – добавила она, засовывая ноги под скамейки перед нами.

– Разве ты не встречалась все лето с тем парнем, Рассом, из «Винтер парка»? – удивилась я.

– Верно. Встречалась, – захихикала Джен с другой стороны. – Тот еще придурок. Тебе бы на другой стороне поля сидеть, предательница.

– Временное помутнение рассудка. Кроме того, у него классная задница, и я не знала, что он из себя представляет, пока не пошла с ним гулять. Вдобавок он туп как пробка.

– Футболисты, они обычно такие, – согласилась Джен.

– Неправда. У Люка средний балл почти как у меня, – возразила я, вскакивая и выкрикивая приветствия, когда команды выстроились для вбрасывания мяча.

Как только началась игра, разговаривать стало невозможно. Зрители пришли в неистовство. «Винтер парк» были главными противниками нашей школы. Они славились грязной игрой. В прошлом году они треснули Джимми Клаузена,

нашего квотербека, по голени, пока судьи не видели. Остаток игры он просидел на скамье запасных со сломанной щиколоткой, похоронив наши шансы на победу. Сегодня речь шла о возмездии.

К середине матча я охрипла от приветственных воплей, после того как Люк поймал длинный пас и провел его до тачдауна, заработав нам семь очков. Эмбер и ее команда болельщиков тоже делали свое дело, поддерживая ажиотаж публики. Каким-то образом Джошуа с Эмбер ухитрились договориться, потому как я не заметила, чтобы он хоть раз ее уронил. Он понятия не имел, что это спасло его от удара по шее.

– Какая ты везучая, – проорала мне в ухо Тина, когда Люк поймал очередной длинный пас. – Люк – идеальный парень. И душка, и бог футбола. Не будь мы подругами, я ненавидела бы тебя до смерти.

– И, вероятно, попыталась бы его отбить, – вставила Джен.

– Ну, я не такая стерва, – запротестовала Тина. – Но если они поссорятся, сезон охоты будет открыт.

– Так, лапы прочь! Люк мой, – ответила я, пихнув ее бедром. – Я коротышка, но дерусь грязно, – добавила я, изображая тигра.

Тина рассмеялась, а я выудила из рюкзака толстовку с капюшоном. Теперь, когда солнце село, воздух стал прохладнее.

– Делать мне больше нечего. Слишком много рыбы в море. Я... – Она остановилась на полуслове, поскольку зрители взорвались криками после того, как наша команда перехватила квотербека «Винтер парка».

Джен фыркнула.

– У Тины внимания не хватит, чтоб увести чужого парня. Кроме того, Люк так тебе предан, – сказала она и присоединилась к зрителям, изображая волну, когда та дошла до нашего сектора.

– Эй, я все слышу, – показала нам язык Тина. – Однако она права. Тутдохлый номер. Люк снят с торгов, – добавила она и подмигнула.

Мы с Джен рассмеялись, а Тина обняла нас за плечи.

Толпа на трибунах беззаветно поддерживала нашу команду. Удивительно, как, при всех воплях и размахиваниях руками, мы с Джен и Тиной ухитрились вообще поддерживать какую-либо беседу. Когда волна снова дошла до нас, я поднялась и вскинула руки. Когда я садилась, мое внимание привлекло что-то среди деревьев за футбольным полем, какое-то движение. Я прикрыла яркий свет фонарей в надежде разглядеть, что там такое. Наверное, деревья качаются, ведь немного ветрено, думалось мне, но чутье говорило иное. Я словно видела тени, гуляющие в темноте. Сердце заколотилось как бешеное, но никакого отношения к игре это не имело.

– Ты видела? Какой бросок! – заорала Тина, хлопая меня по плечу.

Я не отозвалась, но девчонки этого не заметили. Они были слишком увлечены игрой, как и все остальные. То, что происходило в тенях, предназначалось мне одной.

4. Лея

Поставив поднос на стол, я заметила рядом со своей тарелкой знакомую белую пилюльку. Я понимала, почему она там оказалась. Дурацкое бумажное солнце не стоило такого горя. К несчастью, Матушка теперь знала, чем я занимаюсь после отбоя.

Она говорила мне, что эти таблетки для моего же собственного блага. Что они помогут мне заснуть, пока она на работе. Что так она будет уверена, что я в безопасности. На самом деле я иногда была не против такую принять. Пилюли погружали меня в глубокую дрему, словно набрасывая защитное одеяло. Можно было мечтать о чем угодно, не боясь, что Матушка узнает.

В другие дни таблетки оказывались досадной помехой, отбиравшей у меня те крохи свободы, которыми я располагала. Большинство ночей я по многу часов бодрствовала в темноте после того, как Матушка уходила на работу.

Выключатель находился с той стороны двери в подвал, и я не могла до него добраться. Темнота была для меня временем покоя. В мире, где не с кем поговорить, друзьями моими стали тени. Я, словно слепая, научилась ориентироваться в темноте. Я знала каждый дюйм своей комнаты на ощупь. Вскоре я снова смогу доказать свое послушание и пилюли перестанут появляться, но до тех пор мою свободу снова ограничили.

- Ты не ешь, - заметила Матушка, накладывая кукурузу ложкой себе в тарелку. - Я думала, ты любишь бифштексы.

Я заставила себя отвести глаза от таблетки и заложенной в ней силы.

- Люблю, - сказала я, откусывая большой кусок.

Я не соврала. Бифштекс был моим любимым блюдом. Это был один из тех редких случаев, когда Матушка давала щедрую порцию и я по-настоящему наедалась. На полный желудок меня всегда посещали фантазии, что, возможно, я становлюсь сильнее. Глупая мысль. Я не была сильной. Хотела быть, но мышцы у меня слабые. Матушка говорила, что это побочный эффект моего заболевания. Так что могло быть и хуже. Я могла быть прикована к постели или умереть. Было время, когда я мечтала о смерти, когда мои конечности горели после очередного наказания. Некоторые яркие воспоминания все еще преследуют меня.

- Думаю, сегодня мы немножко посмотрим телевизор, - сказала Матушка.

Как и в белой пилюльке, в этом не было ничего удивительного. Гнев Матушки был непредсказуем, но раскаяние всегда одинаково. Я знала, что она не хотела делать мне больно. Не хотела бить меня. Она лишь пыталась защитить меня. Телевизор был перемирием, ее способом извиниться. Это было редкое удовольствие, которого я втайне вожделела. Это было единственное время, когда мне не требовалось воображение, чтобы увидеть внешний мир.

Когда ужин кончился и посуда была вымыта, Матушка проследила, чтобы я положила белую таблетку на язык и проглотила. Действующее вещество попадет в кровоток меньше чем через час. Заглянув мне в рот, дабы убедиться,

что пилуля исчезла, Матушка осталась довольна.

– Молодец. Можешь пойти переодеться в пижаму, пока я включаю телевизор.

Не желая пропустить ни мгновения волшебства, я торопливо переоделась в свежую сорочку на моей кровати. Неважно даже, что мы смотрели. Каждая секунда очень важна.

Я скользнула на кушетку рядом с Матушкой, и она положила мне руку на плечи. Матушка простила меня. Оставалось только не испортить момент, съезжившись от свежих ран на спине и руках. Они скоро затянутся, ерунда. Важно лишь, что Матушка больше не сердится.

Обычно мы смотрели познавательные программы, но в редких случаях, как сейчас, она включала настоящую комедию или сериал. Я прочла множество книг, где упоминалось телевидение, но ни одной из них не удавалось передать, каково смотреть его вживую. Это невозможно описать на бумаге. Возможно, дело было в том, что персонажи историй никогда не ценили время за просмотром телевизора так, как я.

Минут через двадцать лекарство начинает действовать. К концу передачи я уже клевала носом. Матушка выключила телевизор. Больше тридцати минут мне никогда не разрешали. Ни минутой дольше. Сегодня я не возражала. Сон уже манил меня, завлекая понятными лишь мне обещаниями. Я была готова провалиться в темноту, и пусть все остальное растает.

Матушка помогла мне забраться в постель и укрыла меня. Я сомкнула веки, вслушиваясь в ее шаги. Не успела она даже запереть дверь, как я уже спала. Как всегда, тьма приняла меня в свои теплые объятия. Ласковая и нежная, как старый друг.

* * *

Следующие несколько дней прошли без перемен. Каждый вечер за ужином возле тарелки меня ждала белая таблетка. Ее присутствие начало меня раздражать. Я с радостью принимала сны, но платить за них приходилось свободой, и это злило. Сия эмоция была мне относительно чужда. Злость я давно

похоронила как бесполезное чувство, когда осознала, что она ничего не изменит. Как бы я ни злилась, родители так и не пришли за мной. Я могла злиться на себя, когда выводила Матушку из себя, но злость никогда не мешала кожаному ремню рвать меня на части.

Несмотря на все доводы, я все же не могла не злиться на белую таблетку. Она лишала меня свободы, которая превращалась в навязчивую идею. Узнай об этом Матушка, ее гнев не имел бы границ.

* * *

Наутро я проснулась с готовым планом. План был опасный, но попытаться стоило.

– Ты сегодня такая веселая, – заметила Матушка, положив мне на тарелку ломтик бекона.

– Правда? – Я отвела взгляд, гадая, что же она смогла разглядеть у меня на лице.

Она не могла читать мысли. Это бы разрушило мой план.

– Я хорошо спала, – промямлила я.

– Вот и славно. – Мои слова ее явно обрадовали, и я почти сразу о них пожалела.

Смысл заключался в том, чтобы прекратить принимать таблетки. Если она решит, что они помогают, то продолжит пичкать меня ими бесконечно.

После завтрака Матушка дала мне домашнее задание на день и удалилась наверх. Я встала и поставила на магнитофоне любимую кассету – подарок на одиннадцатый день рождения. Музыка я любила, она отвлекала меня от тишины. Выбор у меня был невелик, и большинство кассет имели потрепанный вид. Я надеялась, что Матушка принесет еще, но пока этого не произошло. Я давно усвоила, что Матушка сердится, если я прошу у нее что-нибудь: игрушки, книги или музыку. Вместо этого она хотела благодарности за обычные вещи. Что нравилось мне, никогда в расчет не принималось.

Подпевая любимой песне, я подняла диванную подушку и засунула руку как можно глубже внутрь. Пальцы нашли то что нужно.

– Привет, Дейзи, – прошептала я, извлекая неказистую куколку, сделанную много лет назад из носка.

Куколка ничем не напоминала мою прежнюю Дейзи. У нее не было ни рук, ни ног, а лицо было нарисовано фломастером и с годами потускнело. Глаза у Дейзи были разные, а нос кривой и слишком большой для ее лица, но это не имело значения. Я любила ее. Она была моим другом, единственной, кто знал все мои секреты. Дейзи никогда на меня не сердилась, даже когда я засовывала ее глубоко в диванные подушки. Она всегда понимала.

Прежде чем приступить к занятиям, я усадила Дейзи к себе на колени и прошептала в ее нарисованное ухо свой план. Дейзи не критиковала меня. Она знала, что у меня будут большие неприятности, если меня поймают, но не стала меня отговаривать. Вот почему она была моим лучшим другом. Она меня понимала.

Пока я делала уроки и дочитывала очередную книгу, Дейзи сидела со мной. Фэнтези мгновенно захватило меня.

– Приберусь, как только дочитаю, – сказала я куколке, а она улыбнулась в ответ. Я забыла о своих планах на вечер, с головой погрузившись в мир, совершенно отличный от моего. Вселенная драконов и чародеев, где у одной храброй девушки был ключ к спасению королевства. История была очень интересной, и, перевернув последнюю страницу, я ощутила острое чувство потери.

Закрыв книгу, я продолжала сидеть на диване.

– Может, в это поверить, Дейзи? – спросила я, мысленно проживая финал книги.

Я так глубоко задумалась, что начисто утратила ощущение времени, пока звук кухонного подъемника не выдернул меня из грез. Страх пронзил тело, я судорожно обшаривала взглядом комнату. Учебники все еще лежали на диване, рядом улыбалась Дейзи, а в руках по-прежнему была книга. Я вскочила и быстро сложила учебники стопкой на письменный стол. Собирая остатки обеда и

торопливо засовывая их в мусорное ведро, я слышала, как щелкают дверные замки. В последний раз окинув взглядом комнату, я уверенно решила, что все на своих местах. Дверь наверху открылась, и у меня сердце ушло в пятки, когда я заметила на полу перед диваном Дейзи.

Матушка надвигалась. Я слышала ее шаги. Она увидит Дейзи и накажет меня. Метнувшись через всю комнату, я подхватила Дейзи и запрыгнула на диван, затолкнув ее глубоко в подушки, как раз когда Матушка добралась до последней ступеньки. Тоненькая струйка пота ползла у меня по шее и забиралась под рубашку на спине. Я слегка запыхалась, но заставила себя дышать ровно. Не привыкла я к такому напряжению.

- Лея? - недовольно окликнула Матушка, глядя на меня.

Мне не требовалось зеркало, чтобы догадаться, что я покраснелась. Сердце колотилось от адреналина, бегущего по жилам. Матушка наверняка что-то заподозрила.

- Да, мэм, - отозвалась я, стараясь скрыть дрожь в голосе.

Плечи у меня сжались, зная, как она разозлится, если подумает, будто я что-то прячу.

- Ты хорошо себя чувствуешь? У тебя измученный вид.

«Измученный?» - с облегчением подумала я. Это сойдет. Можно притвориться больной. Даже врать не придется. В данный момент я и чувствовала себя больной. Живот скрутило узлом, кожа сделалась липкой. Даже голова кружилась. Может, я и правда заболела.

- Да вроде нет, - ответила я, откидываясь на подушки дивана.

Головокружение утихло, и даже живот вроде отпустило.

- Черт. В больнице гуляет грипп. Должно быть, я принесла его домой на себе. Тебе следует лечь в постель, - велела она, продезинфицировав ладони, прежде чем приложить запястье к моему лбу. - Жара нет, но кожа липкая. Вероятно, это

грипп. Ложись.

Я кивнула, слабея от облегчения. Когда я поднялась, комната слегка закружилась, и я почти поверила, что на самом деле заболела.

Матушка кудахтала надо мной, пока я забиралась под одеяло.

– Бедная моя девочка, – приговаривала она, поглаживая меня по волосам. Я вздыхала от удовольствия. – Сварю-ка я тебе супчику.

– Спасибо, – произнесла я так жалобно, что сама едва не купилась.

Ее шаги затихли на лестнице. Замки были заперты, но я слышала звуки кухонного лифта. Только когда я поняла, что она хлопчет на кухне наверху, сердцебиение у меня вернулось к нормальному ритму. Все висело на волоске и могло обернуться совершенно иначе. Сегодняшнюю ошибку ни за что нельзя повторять. Что, если Матушка заподозрила бы нечто большее? Что, если она решит обыскать мою комнату? Я старательно прятала все следы своей затеи, но она могла догадаться. Нельзя снова так глупить.

Матушка вскоре вернулась с миской куриного бульона с вермишелью. Я послушно открывала рот, а она ложкой заливала в него горячий суп. Я могла бы поесть и сама, но знала, что ей доставляет удовольствие заботиться обо мне. Учитывая, каким чудом я сегодня избежала беды, то принимала суп без жалоб.

– Знаю, надо было принести для тебя прививку от гриппа, – заметила Матушка, помешивая бульон.

– Все хорошо, – ответила я. – Мне не так уж плохо.

– Сегодня и завтра тебе следует оставаться в постели и отдыхать, – распорядилась она, подавая мне сок.

– Да, мэм.

– Умница. Утром зайду тебя проведать.

– Спасибо, Матушка, – сказала я и закрыла глаза в надежде, что она позабудет про белую таблетку. Шанс был, но я приготовилась к разочарованию.

Я почувствовала, как подалась кровать, когда она встала, и заставила себя дышать ровно. Вероятно, она просто оставила пилюлю наверху и вернется с ней. Ничего еще не закончилось. Шаги на лестнице затихли. Она могла подслушивать, чтобы поймать меня на притворстве. Наверняка я знать не могла. Замок на верхней двери щелкнул, свет погас, дверь закрылась и ключ повернулся в замке. Я распахнула глаза. То ли она и впрямь забыла, то ли решила, что от болезни я засну и без помощи пилюли. Я решила сделать по-другому. Мне надо стать сильнее. Слабость в долгосрочной перспективе только повредит мне. Прочие планы придется отложить.

Темнота обнимала меня, пока я ждала момента, когда Матушка уйдет на работу. Ждать пришлось дольше, поскольку я отправилась в постель раньше обычного. Однако я была терпелива. Без действия таблеток я могла прождать всю ночь, если потребуется. Сегодня я начну процесс превращения в другого человека.

5. Мия

– Ну же, Мия. Не будь слабаком, – громким шепотом произнесла Эмбер.

Я оглянулась, дабы убедиться, что в доме за спиной по-прежнему темно.

– Я не слабак. Как может девушка быть слабаком? – пробурчала я, не отводя взгляда от кучки одежды у моих ног.

Дурацкая была идея. Мы окажемся по уши в дерьме, если нас поймают. Мне следовало сразу же наложить вето на эту затею после предложения Эмбер, но мы все были еще на взводе после нашей победы. Футбольная команда «Винтер парк» отправилась домой несолоно хлебавши, после того как Люк забил еще два тачдауна, обеспечив нам выигрыш.

Мы дружно пытались придумать какой-нибудь эпичный способ отпраздновать это дело, когда Эмбер предложила искупаться голышом в бассейне директора

Траута. В «Стейке и шейке» идея казалась блестящей, но как только мы действительно добрались до его дома, здравый смысл напомнил о себе, по крайней мере мне. В доме было темно, но две машины на подъездной дорожке явно указывали, что там точно кто-то есть. Люк и Энтони подсадили нас на деревянный забор, хотя я уже начала упираться.

– Ну же, Мия. Водичка отличная, – сказал Люк, бесшумно подплывая к бортику рядом со мной.

Слава богу, вода в бассейне была темная и скрывала его наготу. Мы с Люком пока не переводили наши отношения на следующий уровень, и я не была готова изменить это в ближайшее время.

– Хорошо, только вам, парни, придется отвернуться, пока я не нырну, – велела я.

В темноте сверкнула улыбка.

– Сделано, – отозвался Люк, передавая инструкцию Энтони.

Чувствуя себя полной дурой, я вылезла из шорт и трусиков одновременно. Воровато оглянувшись через плечо на дом, я стянула через голову футболку и расстегнула лифчик, сбросив и то, и другое на кучку одежды у ног. Внезапно я оказалась беззащитнее, чем когда-либо прежде. От прохладного ночного воздуха плечи у меня покрылись мурашками. Сложив руки на груди, я шагнула в мелкий конец бассейна. Вода была теплее, чем воздух снаружи, и я погрузилась в нее по подбородок.

– Ладно, можете повернуться, – прошептала я, двигаясь в воде.

Люк подплыл ко мне, широко улыбаясь.

– Я же говорил, что тут хорошо, – сказал он, протягивая руку и привлекая меня к себе.

– Ты был прав. Однако я все равно считаю, что мы психи, особенно ты. Если нас поймают, директор Траут может вышвырнуть тебя из команды.

Он хохотнул.

– Давай честно. Ты больше боишься, что тебя исключат, – поддразнил он, притягивая меня ближе. Здесь было слишком глубоко, чтобы стоять, поэтому я ухватилась за его плечи, стараясь не обращать внимания на близость наших тел. Взгляд мой переместился на глубокий конец бассейна, где Эмбер с Энтони явно не только разговаривали.

– Они слишком заняты, чтобы беспокоиться о нас, – прошептал Люк, наклоняя голову.

Его губы мягко коснулись моих, нежно уговаривая их разомкнуться, и я вздохнула. Позволила его языку скользнуть мне в рот, вздрагивая от взметнувшихся по позвоночнику приятных ощущений. За последние полгода мы с Люком обнимались и целовались множество раз, но отсутствие одежды сделало процесс куда более интимным. Я пыталась сохранить хоть какую-то дистанцию между нами, но мои ноги словно сами собой придвинулись к нему. Люк поцеловал меня глубже. Я вцепилась ему в плечи, пытаюсь удержаться на месте. Его язык дразнил мой, а руки прочно обосновались у меня на талии.

На миг я оторвалась от него, удивившись, что мне не хватает воздуха. Целоваться с Люком всегда было приятно. Он уважал мои границы. Эмбер потеряла девственность больше года назад и с тех пор пустилась в безостановочную сексуальную карусель. Теперь все парни, с кем она встречалась, ожидали этого. Я не хотела, чтобы наши отношения развивались так быстро.

Однако наше спонтанное купание нагишом заставило меня пересмотреть свою точку зрения. Судя по взгляду Люка, он ждал, что я отстранюсь. Как ни странно, мне этого не хотелось. Мне было хорошо в его объятиях. До того, как мы с ним стали встречаться, меня никто, кроме Эмбер, не обнимал. Мы с Джейкобом пытались несколько раз, но мама с папой были не самыми ласковыми людьми, особенно после исчезновения Леи. Это всегда было просто неудобно.

С другой стороны, в бассейне было хорошо. В объятиях Люка даже темнота пугала меньше. Я удивила Люка, притянув его за шею, позволив моему телу стать ближе, пока наши ноги не переплелись. Глаза его потемнели. Ему нравилось. Это вызывало ощущение триумфа. Как будто я написала

контрольную на отлично. Он опустил голову, готовый снова завладеть моими губами, когда мое внимание привлекло движение между деревьями в задней части двора.

- Что-то не так? - спросил Люк, когда я резко отдернула голову.

Я вытянула шею, пытаюсь заглянуть ему за спину. Я знала, что это. Когда я наконец разглядела массивный сгусток тьмы, вырастающий из теней, в груди у меня зародился крик. Я сжала виски. Почему оно преследует меня? Я ни секунды не сомневалась, что оно явилось, чтобы поглотить меня.

Крик вырвался у меня из груди, раздирая голосовые связки сиреной. Люк перепугался. Я видела, как шевелятся его губы, но голоса не слышала. Он резко обернулся, явно больше озабоченный поднятым шумом, нежели темным облаком, ползущим вдоль края бассейна.

Эмбер лихорадочно гребла ко мне. Я думала, она не меньше моего перепугается, но даже ее, похоже, не заботило злое облако, снова растворившееся среди деревьев. Однако я не могла ему доверять. И не доверяла. Люк схватил меня за плечи и встряхивал, пытаюсь заглушить крики и успокоить. Он был прямо передо мной, но я все равно не слышала его. Надо было уходить, бежать, спасаться. Они бы поняли это, перестав беспокоиться обо мне и заметив то, что было прямо у них перед глазами.

Двор залило светом фонарей. Я озиралась по сторонам, выискивая малейшие признаки присутствия чудовища, попытавшегося меня забрать. В голове бухало, я почти не видела. Даже при ярком свете тут было лишь несколько пальм да очаг, окруженный шезлонгами. Куда оно подевалось? А вдруг оно в воде вместе с нами? Я в панике отпрыгнула. Подняв глаза, я увидела, что мы уже не одни. Тьма бесследно исчезла, но ее место занял наш рассерженный директор.

Мистер Траут отнюдь не обрадовался, обнаружив четверых своих учеников голыми в собственном бассейне. Его жена тоже, коли на то пошло. Эмбер была убеждена, что, если бы не мое аномальное поведение, она бы вызвала полицию. Я соврала, заявив, что увидела, как кто-то подглядывает за нами из-за забора. Разумеется, я не стала упоминать, что у меня разыгралось воображение и на меня надвигалось злое темное облако. Это звучало смехотворно даже у меня в голове. Озвучь я правду, они бы решили, что я окончательно съехала с

катушек. Достаточно было уже того, что я сама в это верила.

Директор Траут сурово отчитывал нас, пока его жена ходила за полотенцами. Он багровел лицом, угрожал исключением из школы и обещал позвонить нашим родителям. К счастью, в конце концов миссис Траут убедила его отпустить нас, напомнив, как он вытворял аналогичные вещи в нашем возрасте. Он поворчал, что тогда, мол, были другие времена, но неохотно согласился отпустить нас. Миссис Траут позволила нам одеться в доме, а затем мы проделали позорный путь через парадную дверь. Мои друзья не проронили ни слова, пока мы тащились к воротам. Если им и хотелось отлупить меня, обижаться было не на что. В том, что нас поймали, была исключительно моя вина.

Реакция ребят оказалась противоположна ожидаемой. Когда мы забрались в машину, они дружно разразились истерическим хохотом. Наш подвиг уже приобрел в их воображении эпические черты. Тот факт, что нам не влетело за то, что директор Траут застал нас в чем мать родила, и моя внезапная шиза, похоже, еще больше их заводили. Казалось, им важно лишь то, что мы провернули трюк высшего пилотажа. В доказательство Энтони даже сделал несколько фотографий в бассейне. Я содрогалась при мысли о них.

Люк притормозил перед моим домом и выключил двигатель, чтобы поговорить со мной.

– Ты в порядке? Там, в бассейне, ты была сама не своя.

Он сплел свои пальцы с моими и целовал мне тыльную сторону ладони.

Я кивнула. Даже думать об этом было невыносимо стыдно.

– Наверное, это было нечто вроде коленного рефлекса, или как его там. Как увидела, что какой-то извращенец за нами подглядывает, чуть с ума не сошла.

Оправдание звучало хило. Одно дело выказать озабоченность, когда видишь, как что-то за тобой подглядывает, а другое дело – запаниковать, словно из кустов только что выплыло привидение. Разница налицо, и я проделала второе.

Люк поглаживал мне руки, потирая и разминая их своими длинными пальцами. Это успокаивало и было одной из причин, почему я так привязана к нему. Люк шестым чувством угадывал, что мне нужно. Вся его забота сосредоточена на мне. Другой парень, наверное, постарался бы вызвать у меня чувство вины за случившееся. Из-за меня у нас могли быть большие неприятности. Нам повезло, что директор Траут оказался футбольным фанатом, а его жена проявила такое понимание.

– Мне жаль, что ты так испугалась, – сказал Люк. – Попадись он мне на глаза, я бы ему мозги повышибал. Никто не смеет пугать мою девочку. – Его руки принялись поглаживать мою шею. – Разумеется, не могу сказать, что осуждаю его за попытку это оценить, – закончил он осипшим голосом.

Я улыбнулась.

– Это ты так пытаешься мне сказать, что сам подглядывал?

– Не пойман – не вор, – увернулся он, наклоняясь поцеловать меня.

Я рассмеялась ему в губы. Как мило со стороны Люка стараться развеселить меня. Его нежная забота о моем благополучии успокаивала, как поедание шоколада во время стресса. Он покрывал мои губы легкими мотыльками поцелуев, спускаясь по подбородку вдоль контура лица. Каждое прикосновение к моей коже оставляло след теплого, щекочущего удовольствия, отчего мне захотелось притянуть его ближе. Он был нежен и осторожен, чтобы не стать требовательным. Однако сегодня мне не хотелось нежностей. Я хотела настоящего поцелуя. Такого, чтобы дразнил все нервные окончания в моем теле и довел меня до самого края. Я скользнула ладонями по его груди, задирая рубашку, побуждая поцеловать меня сильнее. Я хотела забыть о чудовищах, тенях и тьме. Я хотела почувствовать себя защищенной. Люк подвинулся ближе. Должно быть, он пребывал в замешательстве. Я никогда прежде не вела себя так напористо.

Мы придвинулись друг к другу так близко, как позволяла разделительная панель. Ручной тормоз впивался мне в бок, но я не обращала внимания.

– Я люблю тебя, Мия, – простонал Люк, слегка отстраняясь. – Однако ты меня убиваешь. – Мы оба тяжело дышали, словно пробежали марафон. Сердце так

бухало у меня в груди, что я боялась, как бы оно не лопнуло.

– Я тоже тебя люблю. Или это слишком? – неохотно спросила я.

Люк был прекрасен в том отношении, что уважал мои границы, но я не была невежественна в отношении парней. Скоро он может вообще заболеть от ожидания, пока я не дам ему то, к чему пока что не готова.

– Скажем так, ты меня удивила. Однако я серьезно. Я правда тебя люблю.

Он сжал мою руку, пока я открывала дверь и вглядывалась в темноту. В нынешнем состоянии сознания я невольно таранилась на деревья и кусты вокруг дома, ожидая, что оттуда вытянутся тени и схватят меня.

– Хочешь, провожу тебя до двери? – спросил Люк, заметив мой страх.

Я помотала головой. Мой дом был запретной территорией. Я никогда никого не приглашала внутрь. За все годы нашей дружбы с Эмбер она ни разу не была у меня дома. И дело было не только во мне. У нас вообще не бывало гостей. Мы были разбитой семьей, которая так и не склеилась обратно. Просто и ясно.

– Все нормально. Я в порядке, – соврала я, заставляя себя вылезти из машины.

Ощущение было такое, что мне вот-вот сорвет крышу. Проблема заключалась в том, что я не могла решить, какой сценарий предпочтительнее: за мной охотится некое реально существующее теневое чудовище или это игры моего разума, потому что у меня либо нервный срыв, либо опухоль мозга или что-то в этом роде. В любом случае я чувствовала, что я в заднице.

Люк подождал, пока я открою входную дверь, и только тогда отъехал. Я помахала ему через плечо и зашла внутрь. Внизу было темно. Бросив ключи на столик в прихожей, я пошла вверх, параллельно вслушиваясь в приглушенные голоса родителей, доносящиеся из их комнаты. Я притормозила, уставившись на свет, струившийся из-под двери. Подумала, не забраться ли маме на колени, как я проделывала в детстве, когда мне снился кошмар. Мне хотелось прижаться к папе, чтобы он обнял меня и заверил, что эти чудовища не настоящие, что они не прячутся у меня под кроватью или в темных углах. Милая фантазия, но папа

перестал прогонять чудищ десять лет назад. Все изменилось в тот день, когда пропала Лея.

– Я дома, – побарабанила я пальцами по двери и двинулась дальше.

Если бы они хотели что-нибудь узнать обо мне, могли бы спросить. Меня уже тошнило от попыток заставить их быть родителями. Я сбавила шаг у двери Джейкоба. Когда он придет домой, я смогу наконец исповедоваться ему во всем. Даже если он мне не поверит, то хотя бы выслушает. В какой-то момент Джейкоб принял на себя роль родителя. Потерять сестру-близнеца было достаточно тяжело, но без утешения от мамы и папы это было невыносимо. Не будь Джейкоба, честно, я бы ни за что не справилась. Одиночество поглотило бы меня целиком.

6. Лея

Пот стекал по моей шее за воротник пижамы, вниз через все выступы и впадины моего позвоночника и, наконец, в пижамные штаны. Я тяжело дышала, но это бодрило. Это означало, я делаю все правильно.

Меня хватало всего на двадцать прыжков ноги вместе – ноги врозь, но это все равно радовало. Пять дней назад я едва осилила пять. Я становилась сильнее. Я чувствовала разницу. Всего за неделю мое тело стало меняться.

Закончив подход с прыжками, я подняла две стопки книг, которые перевязала полосками ткани. Удерживая в каждой руке по стопке, я поднимала руки столько раз, сколько могла, прежде чем мышцы задрожали и мне пришлось остановиться. Руки не должны быть как вареные макароны. Они должны быть сильными и ловкими. Чтобы мой план сработал, мне потребуется и то и другое. Надо продолжать.

Меня хватило всего на пару подходов. Я уронила книги к ногам и приступила к развязыванию узлов на первой стопке. Мои пальцы работали, чутко ориентируясь в угольной черноте моей комнаты. Хорошо, что после приступа «болезни» Матушка решила не продолжать пичкать меня таблетками. Я

воспользовалась возможностью, поклявшись на сей раз быть осторожнее.

Узлы на стопках книг наконец ослабли, я осторожно пробралась к полкам и расставила книги по местам. Полоски ткани я затолкала в диванные подушки, легонько погладив Дейзи, прежде чем убрать руку. Мне хотелось взять куколку с собой в кровать. Мне стольким нужно было с ней поделиться. Мне столько нужно было рассказать хоть кому-нибудь. Однако Дейзи была непозволительной роскошью. А в данный момент рисковать я не могла.

Я добралась до постели и легла. Глаза у меня оставались открытыми, хотя ничего не было видно. Я гадала, так ли чувствуют себя слепые. Приспосабливаются ли они к своему окружению настолько, насколько это удалось мне? Должны. Вероятно, они способны с легкостью перемещаться по своему дому.

Вскоре я заставила себя закрыть глаза, убеждая мозг отключиться. Нельзя просыпаться усталой два утра подряд. Матушка начнет что-то подозревать. Карту болезни можно было разыгрывать недолго, и мне вовсе не хотелось снова встречаться с белыми пилюльками.

Как я ни устала, сознание отказывалось погружаться в сон. Я слишком воодушевилась своими достижениями, предвкушая время, когда я пущу их в дело. Ощущение счастья распространялось по всему телу. Я чувствовала себя на коне. Пьянящее чувство, прежде не знакомое мне. Я не была уверена, как его воспринимать. Заснула я с улыбкой на лице, чего не случалось уже многие годы.

* * *

На следующий день от моей улыбки не осталось и следа. Именно по утрам у меня отбирали власть над собственной жизнью. Даже когда я была паинькой, случались дни, когда Матушка, казалось, готова была придраться просто к тому, что я дышу. Любая мелочь могла вывести ее из себя. Сегодня намечался один из таких дней.

Проснулась я от ее истерических воплей. Первый удар она нанесла рукой, когда я случайно задела ее, торопливо заправляя кровать. Это отличалось от ремня. Ее ладонь впечаталась в мое лицо, моя голова дернулась назад от удара. Щека

горела, но предыдущий опыт научил меня, что любая реакция только еще больше ее разъярит. Поэтому я вела себя как ни в чем не бывало.

Завтрак после этого начался вроде спокойно. Мы молчали, и я не поднимала головы, стараясь пережевывать еду, хотя щека распухла. Я продержалась без новых промахов почти до конца, но поскольку была на взводе, стараясь не рассердить ее еще больше, то опрокинула свой стакан и залила соком колени Матушки.

- Что с тобой сегодня?! Лентяйка! - завизжала она, вскакивая со стула. Я тут же свернулась клубком, ожидая побоев. Это была ошибка.

- Как ты смеешь обращаться со мной, будто я чудовище?! Вот кто я для тебя, да?! После всего, что я сделала, чтобы защитить тебя, уберечь! - Ее кулаки обрушились на мое тело в приступе ярости. Она молотила меня по спине, по плечам, по ногам. - Может, тебе нравится, когда тебя наказывают, а?! Знаешь, как больно мне тебя наказывать?! Почему ты со мной так поступаешь?!

От физической боли защиты не было, но я закрыла глаза, и сознание мое отступило в укрытие. Это было место, где я могла оседлать бурю и переждать, пока Матушка не выплеснет всю злобу. Я поняла, что она закончила, когда рулон бумажных полотенец плюхнулся на пол рядом со мной, а Матушка удалилась вверх по лестнице.

Казалось, прошла вечность, прежде чем я смогла пошевелиться. Открыв глаза, я позволила сознанию выбраться в реальность и принять на себя боль. Боль - хитрая штука. Временами она бывала вызывающе ясной, как от ссадин или ушибов. В другой раз она лежала в засаде, накрывая тебя ровно когда ты уже решил, что все хорошо. Я стала экспертом по части того, что способно выдержать тело. Раньше я часами рыдала после наказаний, проклиная себя за то, что довела ее. Слезы текли из меня, пока не заканчивались, а затем полностью приходило истощение и забирало меня. Такого больше не случалось. Я просто принимала свою судьбу и двигалась дальше.

Сегодня боль была примерно шесть из десяти. Шесть - это терпимо. Бывало и хуже. Когда я была маленькой, все наказания Матушки ощущались на десятку, но с годами я разработала своего рода шкалу суровости. Теперь, если одно из ее наказаний достигало десяти, это была пытка, как в тот раз, когда она сломала

мне ногу. Десятка сотрясала меня до глубины души и полностью подавляла волю, вот почему мне никогда не нравилось об этом думать.

Спустя несколько минут я наконец сумела принять сидячее положение. Не думаю, что я двигалась слишком быстро, но голова слегка закружилась, угрожая бунтом. Дюйм за дюймом я отползала назад, скрючившись от спазма в спине. Опираясь приходилось на правую руку, потому что левая превратилась в сплошной синяк и к ней было больно прикасаться. Путешествие по полу было долгим и утомительным. К моменту, когда я добралась до кровати, я уже сомневалась, не разумнее ли было бы доползти до ванной, поскольку желудок тошнотворно крутило. Я сглотнула комок в горле, надеясь, что завтрак останется на месте. Если б меня вырвало, было бы не только больно, но и обидно.

В итоге мне удалось подтянуть себя на постель. В течение нескольких минут я пыталась отдышаться и удержать содержимое желудка внутри. Чтобы комната не вращалась, пришлось закрыть глаза. Я знала, что скоро придется встать и убраться. Неизвестно, на сколько матушка оставит меня в одиночестве. Это может быть весь день и вся ночь, или она вернется в любой момент. Я была уверена в одном. Что бы ни вывело Матушку из себя ранее, оно не имело никакого отношения ко мне. Что-то взбесило ее на работе, и я стала мишенью ее досады.

Я очнулась, осознав, что ненадолго задремала, судя по затекшим суставам, явно оставаясь в одном положении слишком долго. Я осторожно приподнялась на подушках, благодарная, что комната перестала кружиться. Голова все еще пульсировала, но расставание с печеньем больше на повестке дня не стояло. Теперь, когда я могла оценить свои повреждения, я насчитала пульсирующую от боли голову, ломоту в спине, болезненное на ощупь ухо и синяк в форме подошвы на левой руке, что объясняло боль, которую я ощущала, пытаюсь ползти на четвереньках к кровати.

Могло быть хуже, гораздо хуже. Синяк на предплечье расстроил меня больше всего, поскольку из-за него будет трудно продолжать мои ночные упражнения со стопками книг. Промелькнула мысль, что она как-то узнала о моей затее. Возможно, моя больная рука была не просто потерей на поле боя. Я наверняка ошибалась. Это было совпадение, болезненное совпадение, но не более того. Как только тело немного восстановится, я возобновлю свои тренировки, задействовав только правую руку, пока левая не сможет снова выполнять свою

часть. На данный момент я пересилила боль, только чтобы убрать беспорядок после завтрака.

В тот вечер Матушка не принесла мне ужин. Завтрака на следующее утро тоже не было. Живот протестующе урчал, поэтому я пила воду, дабы унять его. Под конец я уже рылась в мусорном ведре в поисках жалких остатков нашего завтрака накануне. Минуты ползли как улитки, и я гадала, решит ли она меня простить к ужину. Я пыталась убить время за чтением, но в каждой книге, казалось, выбирала упоминания о еде, отчего голод терзал меня еще сильнее. Вместо этого я решила прибраться в комнате. На самом деле это сводилось к перестановке вещей с места на место, поскольку помещение и так уже выглядело безупречным. Бесплодное занятие, но оно помогло мне отвлечься от урчания в животе.

К тому времени, когда раздался звук кухонного лифта, я почти потеряла надежду на возвращение Матушки. Я решила, что моим последним наказанием будет голодная смерть. Я не поверила своим ушам, когда услышала щелчок замка, а затем на нижней ступеньке появилась Матушка с улыбкой и мешком книг. Это была ее манера извиняться. Я улыбнулась в ответ, с нетерпением ожидая, когда она откроет подъемник. Мне так хотелось есть, что я была готова глотать собственную руку.

Матушка даже помогла мне накрыть на стол, беспечно болтая все это время. Она была весела. Демон, завладевшей ею накануне, ушел. Я повелась на это, как собака, благодарная за ее возвращение.

– Думаю, тебе понравятся новые книжки, которые я для тебя выбрала, – сказала Матушка, предлагая мне очередной рогалик.

Я помедлила. Она предлагала мне добавку. Видимо, действительно очень сожалеет.

– Спасибо.

– Я назвала продавцу несколько книг, которые ты уже прочитала, и она посоветовала новую фэнтези-серию. Она поверить не могла, когда я сказала, что ты успеваешь прочесть почти две книги в день, – сияя рассказывала мне Матушка.

У меня по лицу расплзлась улыбка. Приятно было порадовать ее. Я лишь надеялась, что не оступлюсь и не разрушу это состояние.

– Жду не дождусь, когда смогу прочитать их, – искренне ответила я. – Большущее тебе спасибо за то, что купила мне еще книжек. Мне так повезло.

Она протянула руку и погладила меня по плечу.

– Ты ж моя малышка. Я что угодно для тебя сделаю, – сказала она, сжимая мою ладонь. – Что угодно, – повторила она. – Я люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя, Матушка.

Это казалось предательством. Порой я думала о своей настоящей матери, гадая, как она позволила кому-то еще растить меня, несмотря на мою болезнь. Материнская любовь предполагает большую привязанность.

При моих словах глаза у Матушки затуманились.

– Ты же мое золотко. А теперь у меня есть еще сюрприз, – сказала она, возвращаясь к подъемнику и вынимая еще одно блюдо. – Десерт.

Я поверить не могла своему счастью. Десерт обычно предназначался для особых случаев. Я мимоходом прикинула, не день рождения ли у меня сегодня. Нет. Слишком скоро. И не у Матушки тоже.

– Шоколадная крошка, – ахнула я, подняв крышку и обнаружив полную тарелку печенья.

Я помнила печенье с шоколадной крошкой еще до того, как Матушка спасла меня. Запах заполнял весь наш дом каждую неделю, когда моя другая мама пекла их для Джейкоба, Мии и меня. С тех пор я его не пробовала. Интересно, этот еженедельный ритуал до сих пор существует в моем старом доме? Помогают ли Джейкоб с Мией маме печь их?

Я никогда не позволяла себе завидовать Джейкобу и особенно Мие. Жизнь раздала каждому свои карты, и не мое дело обсуждать, как они легли. Я была уверена, что Мия тоже думает обо мне время от времени. Может, даже чаще. А вдруг у нее такая же болезнь, как у меня? В конце концов, мы близнецы. Какой была бы наша жизнь, останься мы вместе? Скорее всего, я никогда не узнаю ответ на этот вопрос.

Мы с Матушкой ели печенье перед телевизором. Удивительно, но она разрешила мне есть их сколько угодно. Глаза у меня были больше, чем желудок, и я ела, пока меня не затошнило. Это был наш лучший вечер вместе, какой я могла припомнить. Этим стоило дорожить.

В ту ночь я легла спать без упражнений. Вместо этого я гадала, не был ли мой недавний бунт неуместен. Матушка любила меня. Возможно, отношения у нас были не такие, как в книжках или даже в телевизоре, но я должна уважать ее за то, что она взвалила на себя бремя заботы.

В ту ночь я спала без сновидений и на следующее утро проснулась умиротворенной. Я позавтракала с Матушкой, сделала уроки, пообедала, почитала, потом поужинала. Все то же самое уютное расписание, которому я следовала годами.

В девять свет был выключен, и спустя десять минут я услышала, как Матушка уходит на работу. Я вылезла из кровати и приступила к прыжкам ноги вместе – ноги врозь. Я занималась в течение часа, пока по шее не заструился пот.

В кровать я упала обессиленной кучкой.

7. Мия

Когда я толкнула дверь, в комнате было темно, хоть глаз выколи. Я торопливо нашарила выключатель, не желая и секунды находиться в темноте. Взгляд мой скользнул по кровати, мимо письменного стола, через диванчик у окна и, наконец, уперся в гардероб. Дверь была приоткрыта, ровно как я ее оставила утром. Большая часть блузок висела кое-как, того и гляди упадет, остальные

уже валялись на полу. Еще больше одежды было свалено на стуле и на кровати. Вид был такой, словно через комнату прошел торнадо и расшвырял всю одежду. Все нормально.

Я с облегчением выдохнула. У меня в комнате всегда царил бардак, поскольку я не самый организованный человек. Перешагнув через любимые сандалии, пнула грязные джинсы под кровать. Мера лишь временная – утром приберусь. Я взбила подушки, забралась в кровать и включила для фона телевизор. На самом деле я собиралась сделать запись в дневнике, спрятанном между матрасами.

По сути, это был не столько дневник, сколько открытое письмо к Лее. Мысль за мыслью заполняли страницы почерком, который с годами постепенно менялся. Это был непрерывный поток бесконечного разговора. Писала я не каждый день, иногда всего несколько слов зараз. Это было единственное, что связывало меня с ней и помогало чувствовать, что она по-прежнему является частью моей жизни. Где-то в глубине души я хотела верить, что однажды я вручу ей этот дневник и она сможет прочесть обо всем, что пропустила. О хорошем и о плохом. Сегодняшняя запись будет о плохом. Я писала в ярости, сильно нажимая на ручку. Тонкая бумага едва не рвалась, и чернила впитывались в желтоватый пергамент. К счастью, я взяла себя в руки. Я не могла позволить себе порвать последние страницы дневника. Их оставалось всего девять. На протяжении этих лет я много думала о том, что наступит конец. Теперь, когда он был уже близок, я запретила себе задумываться об этом. При одной мысли об окончании у меня замирали легкие и сжималось горло. Почерк у меня становился все мельче и мельче. Трудно объяснить. Некоторые считают достижение конца завершением. Для меня завершение было бы окончательным, о котором больше не думаешь, и я не могла на это пойти. Психологически я не могла даже заставить себя представить второй дневник. Записная книжка представляла собой наши с Леей жизни. А жизнь у человека только одна. Звучит жестоко, но таково было мое ощущение.

Слова текли безостановочно, заполняя драгоценные страницы с обеих сторон и практически требуя лупы для расшифровки. Все подробности прошедшей недели оказались в дневнике. Мои страхи вылились на бумагу. С Леей легко было делиться. Все мои тревоги, мечты и боль становились общими. Я рассказала ей все о зловещем темном облаке, которое то и дело наблюдала за прошедшую неделю. Пока я в деталях описывала его, мой страх был осязаем. Как облако казалось живым, дышащим существом. Что оно все чаще показывалось в тенях. Я знала, будь она здесь, она бы успокоила меня. Убедила,

что я не схожу с ума – чего я, собственно, и боялась. Все мои взбаламученные эмоции выплеснулись. Моя боль передавалась по мере того, как страницы впитывали все мои чувства.

Завершив наконец вечернюю писанину, я закрыла дневник и надежно засунула его обратно на место между матрасами. Я сползла в более удобное положение и угнездилась с включенным светом и бубнящим на заднем плане телевизором. Так было легче заснуть. Мне редко что-либо снилось, и я имела склонность просыпаться посреди ночи, поэтому телевизор обеспечивал некоторый комфорт.

Я глубоко вдохнула и выдохнула, довольная тем, что мысли снова чисты. Возможно, завтра темнота исчезнет – теперь, когда я исповедалась Лее. Глупая мысль, но она меня успокаивала. Уж всяко не глупее, чем думать, что меня преследует нечто зловещее.

Темнота не исчезла на следующий день, и на другой, и после него. Она оставалась. Всегда рядом. В каждой клочке тени, который я миновала. Затаившись в местах, где хоть чуть-чуть не хватало света. Преследуя только меня. Тот факт, что никто больше ее не видел, заставлял меня сомневаться в ее реальности. В глубине души я подозревала, что схожу с ума.

8. Лея

– Шире, пожалуйста.

Я послушно открыла рот – мама проверяла мне зубы. Каждые полгода она устраивала мне полное обследование с головы до ног, отмечая в карте мои параметры. Я ненавидела день осмотра. Меня заставляли стоять неподвижно в течение полутора часов, при этом тыкая и щипая всякий раз, когда цифры Матушке не нравились, ее неудовольствие выплескивалось наружу.

Я научилась терпеть физическую боль наказания. Временами я даже каким-то мрачным образом предвкушала ее, понимая, что заслужила. Обследования представляли собой аналогичное упражнение в дисциплинированной стойкости. Как ни противны мне были эти тычки, по крайней мере, на протяжении всего

процесса ее внимание принадлежало мне. Если я хорошо себя вела, меня вознаграждали угощением. Последний раз это был шоколадный батончик. Я очень разволновалась, когда она вручила его мне, однако выждала три дня, прежде чем вскрыть обертку. Я боялась, что слопаю его в один присест. Наконец развернув шоколадку, я первым делом глубоко вдохнула. Насыщенный аромат темного шоколада опьянял. Мне хотелось, чтобы гостинец не кончался как можно дольше, поэтому я съедала только по маленькому кусочку зараз, а потом аккуратно заворачивала греховно вкусную сладость обратно. Мне удалось растянуть его почти на две недели.

Если повезет, то сегодня мне тоже достанется шоколадный батончик.

– Зубы в порядке, – сказала Матушка, выключая фонарик. – Дырок нет, – добавила она гордо, делая отметку в моей карте.

Я широко улыбнулась ей.

– Я старательно чищу их каждый день.

– Надеюсь, не слишком жестко, да? Я не хочу, чтобы ты повредила их.

Я замотала головой.

– Только так, чтобы убрать весь налет.

Она одобрительно кивнула.

– Умница. Как насчет девичьего времени? Я заметила, что ты не использовала ничего из ежемесячного запаса.

Я намотала прядь волос на палец.

– Еще не пришло.

С минуту Матушка критически разглядывала меня.

– Ну, мы знаем, что ты не беременна, – хихикнула она наконец, делая очередную пометку в карте.

От ее смеха меня перекосило. Разумеется, я бы не хотела забеременеть, но знать, что у меня и возможности такой никогда не будет, было больно. Пока я живу здесь в заточении, мне ни за что не встретить мальчика, не говоря уже о том, чтобы подержаться с ним за руки или почувствовать поцелуй. Недавно я поймала себя на том, что листаю все свои книги в поисках отрывков, где у героев есть романтические отношения. Я запоминала эти отрывки, чтобы помечтать об этом при случае.

– Не волнуйся, уверена, скоро все будет, – заверила меня Матушка, приняв мое молчание за озабоченность по поводу цикла.

Я робко улыбнулась, гадая, придет ли когда-нибудь время, когда я смогу обсудить с Матушкой возможность выйти за пределы подвала. Я ценила жертвы, на которые она пошла, чтобы защитить меня, и заботу обо всех моих нуждах, но она не вечна. Рано или поздно мне придется научиться жить самой. А пока буду продолжать познавать мир через персонажей книг и надеяться на лучшее будущее.

Неожиданно Матушка коротко обняла меня. Я уткнулась в нее, смакуя тепло.

Отстранилась она так же стремительно, как и привлекла меня к себе. Я не удивилась. Матушка всегда была не самым ласковым человеком.

– Пора взвеситься.

По поводу веса я никогда не переживала. По таблицам Матушки он всегда был ниже нормы, сколько себя помню. Стеклянные весы охладили ступни, но я не поморщилась, наблюдая, как прокручивается цифровая шкала, высчитывая мой вес. Числа имели для меня мало значения, но я не могла не заметить, как нахмурилась Матушка. Она сверилась с таблицей, а потом снова посмотрела на шкалу.

– Слезь и залезь обратно, – сказала она, делая отметку в моей карте.

Цифровая шкала покрутилась секунду, высчитывая мой вес заново.

В животе зашевелилось дурное предчувствие. Матушка снова нахмурилась и схватила измерительную ленту. Я стояла неподвижно, подняв руки, пока она измеряла мою талию и бедра, а затем грудь. Каждая цифра аккуратно оказывалась рядом с прежними результатами. Я не смогла устоять и заглянула ей через плечо, пока она вносила параметры моих рук в книгу. Ее неудовольствие росло. Беспокойное шевеление в животе превратилось в извивающийся клубок змей, когда я увидела на бумаге свою ошибку.

Я по глупости решила, что ночные упражнения пройдут незамеченными. Целых полтора месяца я вкладывала в тренировки все силы. Я любовно поглаживала обретшие новую форму руки, которые больше не казались на ощупь вареными макаронинами, восхищалась подтянутым животом, который перестал быть мягким. Ноги были венцом моих достижений. Они больше не дрожали от малейшего напряжения. Я заставила их приготовиться к любым нагрузкам. Теперь я была гораздо сильнее. Каждая мышца в моем теле буквально гудела от желания подрасти еще. И оно того стоило.

И это самое тело, которым я так гордилась, теперь предавало меня. Как же наивна я была. Матушка наверняка заметила перемены. Ничто никогда не ускользало от ее бдительного взора, а даже если ускользало, цифры не лгут. Озабоченность на лице Матушки становилась все более суровой с каждым измерением. Мне хотелось спрятаться, но деваться было некуда. И не соврать, и не изобразить невинность. Измерительная лента казалась лезвием топора у моей шеи, которое жаждало завершить свое дело. Матушка никогда мне этого не простит. Она узнает. Все мои секреты раскроются. Не видать мне сегодня награды. То, что я сделала, она назовет предательством. И будет права. Мне полагалось доверять Матушке. Не проявлять неповиновения.

Она молча захлопнула мою карту и принялась расхаживать по комнате. Я внутренне сжалась в ожидании наказания, которое, я знала, уже близко, а она методично обшаривала каждый квадратный дюйм моего жилья. Все тайны, которые я прятала последние десять лет, всплыли наружу. Мое сердце разбилось, когда она вытащила из диванных подушек Дейзи и выбросила ее в помойное ведро, словно старую грязную тряпку. Сотни изображений солнца, нарисованные и спрятанные мной между пружин дивана, были разорваны на клочки.

У книжных полок Матушка буквально рычала. Затаив дыхание, я ждала в надежде, что мой самый страшный секрет останется в тайне. Она пролистывала книги одну за другой и отбрасывала в сторону, когда обнаруживала на страницах изображения солнца, которые я больше никогда не увижу. Каждая сброшенная книга оставляла на полке пустоту, приближая Матушку к моему секрету. Мне хотелось окликнуть ее. Отвлечь. Что угодно, лишь бы она не добралась до металлического осколка, который я месяцами хранила, как величайшее сокровище. Кусок металла, который я мучительно отдирала от шкафчика у меня под раковиной. Бесчисленные часы ушли на то, чтобы тереть его о бетонную стену у меня под кроватью, чтобы придать ему правильную форму и размер. Очередная книга ударилась о пол, и сердце мое бухнуло в груди.

Это напомнило мне о прошлой попытке побега. Когда я еще верила, что моя другая мама и папа хотят, чтобы я вернулась, если только я смогу доказать, что способна выносить солнце без вреда для себя. Я тихонечко поднялась по лестнице и несколько часов ждала у двери, которая всегда была заперта. План у меня был незрелый и плохо продуманный. Я почему-то наивно полагала, что если только мне удастся застать Матушку врасплох и проскочить мимо нее, когда она откроет дверь, то я каким-то образом сумею найти выход и выбраться наружу. Я была так напугана. План почти сработал. Матушка не ожидала увидеть меня, когда открыла дверь, руки у нее были заняты, поэтому у меня был шанс проскользнуть мимо нее.

К сожалению, она меньше заботилась о том, что держала в руках, чем я рассчитывала. Она сумела ухватить меня за узкое запястье и дернула назад. Моя рука выскользнула из ее хватки, и я кувыркком полетела вниз по лестнице. Когда я очнулась, нога у меня была в гипсе, а Матушка не разговаривала со мной до тех пор, пока не пришло время его снимать. Это были самые длинные шесть недель в моей жизни.

Книга за книгой летели на пол, и Матушка заколебалась, прежде чем схватить следующую. Я затаила дыхание. Может, она уже удовлетворена. Она уже нашла Дейзи и рисунки. Это наказание я вынесу. Она будет сердита, но в итоге простит меня. Однако не успела моя надежда расцвести, как она потянулась за следующей книгой. Той самой, до которой, я надеялась, она не доберется. Я уронила голову. Месяцы планирования насмарку. Не надо быть гением, чтобы догадаться о назначении инструмента. Она подошла к заколоченному окну и поднесла инструмент к головке одного из шурупов, к которой он идеально

подошел. Все время. Все усилия. Все это ничего больше не значило...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/king_tiffani/teryaya-leyu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)